

О.А. Лавшук (Могилев)

РЕЦЕПЦИЯ ПОЭЗИИ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ В ПОЛЬШЕ

История восприятия русских модернистов в Польше и переводов их поэзии на польский язык имеет, по мнению польского исследователя З. Жа-

кевича, два периода [9, с.495]. Первый – 1900–1906 гг. – это интерес к творчеству Л. Андреева, раннего М. Горького, Вл. Соловьева, Д. Мережковского. Во второй период – с 1907 г. до начала I мировой войны – «рецепция русского модернизма разлилась широкой волной: она несла много информации, но не была так глубока и богата переводами, как при рецепции Андреева, Мережковского, Горького» [9, с.496]. Поэзия русского символизма, представленная такими именами, как А. Блок, В. Брюсов или К. Бальмонт, не была достойно встречена, по утверждению З. Жакевича, по нескольким причинам. Во-первых, когда русский символизм достиг своего расцвета, поэзия «Молодой Польши» близилась к закату. Это, конечно, не совсем соответствует действительности, поскольку в польской поэзии рубежа веков символизм не существовал как собственно литературное направление, а в творчестве младопольских поэтов (Тётмайера, Каспровича, Мичиньского, Лесьмяна, Стаффа) перекликались символистские, импрессионистские, неоклассицистские и др. тенденции. К тому же, если период расцвета русского символизма относится к началу 1900-х годов, а в 1901 г. выходит первый сборник Стаффа «Сны о могуществе» («*Sny o potędze*»), в 1912 г. – сборник Лесьмяна «Сад на перепутье» («*Sad gozstaĵny*»), то о каком закате «Молодой Польши» в середине 1900-х годов может идти речь?

Во-вторых, имеет значение и тот факт, «что вторая половина десятилетия прошла в России под знаком политической реакции и атмосферы общей обескураженности...» [9, с.496]. Также «факт невзрачной рецепции такого по существу богатого поэтического творчества», связан с влиянием французской лирики, в которой, прежде всего, искали образцы новой поэзии; немаловажную роль сыграла «ориентация критики, которая, как известно, искала в русском модернизме историко-философские или даже политические проблемы и поэтому обращалась к прозе» [9, с.502]. В то же время З. Жакевич дает обстоятельный анализ критических работ, появившихся в Польше в обозначенный период, и выделяет три концепции в истории восприятия русской литературы в Польше на рубеже XIX и XX века. Из этого анализа следует, что многие польские критики и писатели очень хорошо знали не только русскую литературу XIX века, но и современных им авторов.

Читатели, которые не знали русского языка, знакомились с поэзией русских символистов с реляции младопольских поэтов и критиков (например, Т. Налепиньского или Савитри), а литературная молодежь (Б. Лесьмян, Ю. Тувим, Я. Ивашкевич, К. А. Яворский и др.), владевшая русским языком, – в оригинале, и результаты этого знакомства наиболее ярко проявились в период межвоенного двадцатилетия.

Помимо рецензий и критических очерков, появившихся на страницах польских периодических изданий, существенна рецепция поэзии русских символистов польскими поэтами. Яркий тому пример – русские стихотворения Болеслава Лесьмяна. «Произведения Лесьмяна, написанные

по-русски, – отмечает польский исследователь Я. Тшнадель, – проливают свет на более широкие и до сих пор неразработанные проблемы: на культурные явления между польской и русской литературой, особенно оживившиеся в конце прошлого и начале нашего века, а также на разного рода родственные явления между литературными течениями и эстетическими направлениями в обеих литературах» [8, с.101]. Такие исследователи творчества Лесьмяна, как Я.Тшнадель, С. Полляк, А. Юневич, анализируя два цикла его стихотворений, написанных по-русски и напечатанных в журналах русских символистов – «Песни Василисы Премудрой» («Золотое Руно», 1906, № 11–12) и «Лунное похмелье» («Весь», 1907, № 10), обращают внимание на их непосредственную связь с поэзией русских символистов. Прежде всего, Вяч. Иванова и К. Бальмонта. По утверждению Я. Тшнаделя, Лесьмян испытывал глубокую симпатию к Бальмонту и его творчеству; из переписки поэта с семьей следует также, что утерянная драма «Василий Буслаев» была результатом контактов с русским символистом. Лесьмян очень высоко ценил Бальмонта как поэта и как переводчика Словацкого. В своем очерке «Словацкий в русском переводе» он называет Бальмонта «наиболее интересным явлением в современной русской литературе» [6, с.448]. О близости Бальмонту в певучести второго русского цикла Лесьмяна говорит С. Полляк, в доказательство проводя аналогию, например, между стихотворением Бальмонта «Лунный свет» и «Полумсяц над ракетой» Лесьмяна. В обоих стихотворениях выразительно слышны отголоски русской романтической поэзии, в частности, Пушкина. По всей вероятности, русской поэзии обязан Лесьмян и своим особым отношением к фольклору, к которому он обращался больше, чем кто-либо из его современников. Если Тетмайер, Выспяньский, Каспрович брали из народной жизни темы, использовали просторечия, то Лесьмян в некоторых произведениях приблизился к народному мироощущению. «В пору тяготения к эстетизму и экзотике влияла на меня единственно польская народная песня и русские былины», – признавался позднее сам Лесьмян [8, 499]. Но не только в фольклорной образности ощущается влияние русской народной поэзии, но также значение мелодичности, музыки слова научился ценить Лесьмян при чтении русских поэтов, для которых мелодика, музыкальность стиха имеет большое значение.

С Вяч. Ивановым Б. Лесьмяна сближало понимание мифа, на что указывают в цикле «Песни Василисы Премудрой» элементы былинного мифа, которые проявляются в символах. Свое понимание мифа и сказки Лесьмян декларирует в цикле «О Василисе Мудрой»: «С улыбкой ясною твержу я неустанно / Мою пословицу: где сказка – там и Бог!»

Для дальнейшей поэзии Лесьмяна сказочные, мифологические элементы будут очень важны, поскольку они будут выпонять роль своеобразного моста между бытием и небытием, познаваемым и тем, что нельзя познать, сном и явью. Между этими русскими циклами и дальнейшим польским творчеством Лесьмяна можно провести много параллелей. На-

родной поэзией наполнен весь лесьямяновский «Луг» («Łąka»). На неизменный интерес Лесьмяна к проявлению и функционированию мифов, к нераскрытым тайнам бытия оказал влияние и русский символизм (безусловно, наряду с польским и французским).

Для начала XX столетия характерна атмосфера тесного взаимодействия польской и русской культур, о чем вспоминает Я. Ивашкевич в одной из своих «Бесед о книгах»: «В исследуемый период поэтические течения в Польше и России взаимно переплетались, их притоки насыщались достижениями и открытиями соседей, и именно это сочетание встречных воздействий и влияний (Пшибышевский, Мичиньский, Ахматова) породило поразительную поэтическую плодоносность того времени» [5]. Его собственное творчество также подтверждает верность этого явления, что доказывается в работе М.П.Малькова «Ярослав Ивашкевич и Александр Блок. Опыт сопоставительно-типологического исследования»: «в его неокрепшем поэтическом голосе (не оставлявшем, однако, сомнений в истинном таланте) то слышались интонации того, кого Ивашкевич называл своим «кумиром раннего творчества», – украинского земляка, великого польского романтика Юлиуша Словацкого; ... то звучали ноты хорошо известного ему русского акмеизма (О. Мандельштам, М. Кузмин, А. Ахматова и т.д.); то явно проступали уже в «скамандритский» период деятельности — отзвуки увлекавшей его поэзии Леопольда Стаффа и «младополяков» [3, с.66].

И польские, и русские исследователи (З.Збыровский, С.Полляк, Н.Богомолова) называют в проблеме восприятия русских символистов польскими поэтами одной из ключевых фигур Ю.Тувима. Вероятно потому, что в сплетении традиций, которое питало творчество Тувима, зачастую невозможно отделить долю польской поэзии от доли русской. Тувим-переводчик – уникальное явление не только в польской, но и в мировой поэзии. Придавая переводу огромное значение, поэт вложил в переводческую деятельность свой блистательный поэтический дар и художественное мастерство. Разрабатывая теоретический аспект проблемы перевода, Тувим специально останавливается на вопросах перевода с одного славянского языка на другой, отмечая, что близость, например, русского и польского языков отнюдь не облегчает положения переводчика, поскольку таит в себе множество подводных рифов. Роль переводческой деятельности Ю.Тувима в развитии русско-польских литературных связей высоко оценена как русскими, так и польскими исследователями. «Тувим был величайшим популяризатором русской поэзии в Польше, – отмечает С.Полляк, – и вместе с тем создателем современной переводческой школы, методы которой оказали влияние на других поэтов...» [4, с.194].

Ю.Тувим открыл польскому читателю богатство русской поэзии рубежа веков. В 1912 году, за 5 лет до издания *своего* первого сборника, он обращается к переводам русских поэтов, о чем свидетельствует пометка в его записной книге: «1912. Начал переводить (символистов)». Сохранился в рукописи перевод стихотворения К.Бальмонта, датированный 1913 г., по-

видимому, один из наиболее ранних. Первое стихотворение В. Брюсова в переводе Ю. Тувима «Noli me tangere, Maria» увидело свет два года спустя, в период пребывания В. Брюсова в Польше. Если говорить о переводческой практике польских поэтов применительно к теоретику русского символизма, то, по словам И. Д. Альберга, «переводы Тувима действительно способствовали вхождению Брюсова в польскую поэзию, в круг читаемых, изучаемых и признанных поэтов. Тувиму, а также некоторым его предшественникам – первопроходцам этой поэтической целины – во многом обязаны своими достижениями современные поэты-переводчики Брюсова: К. А. Яворский, М. Яструн, Л. Левин, Вл. Слободник, С. Полляк и др.» [1, с. 64].

В 1921 году вышел сборник поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова в переводе Ю. Тувима. По мнению С. Полляка, этот томик является поворотным пунктом в истории перевода русской поэзии: «Не только впервые известный поэт дал нам относительно большой выбор прекрасных русских стихотворений, он не только сделал перевод одной из наиболее важных составляющих своего многогранного творчества. Занятие творчеством русских поэтов такого плана, как Бальмонт и Брюсов, которое свидетельствует о поэтическом родстве, ... говорит также о возвращении плодотворной традиции первой половины XIX века, традиции включения переводных произведений в сокровищницу поэзии своей страны, чтобы они давали импульсы для национального творчества» [7, с. 126]. Это родство также свидетельствует об универсальности таких течений, как романтизм и символизм. Вслед за К. Бальмонтом и В. Брюсовым Ю. Тувим переводит произведения Вяч. Иванова, И. Северянина, А. Блока, А. Фета, А. Белого. Эти переводы возникли в период поэтического дебюта Ю. Тувима, в них чувствуется влияние поэтики «Молодой Польши».

Помимо того, что символизм в Польше имел несколько иной характер, чем в России, и с выходом на поэтическую арену «Скамандра» можно говорить о переносе на польскую почву только некоторых его элементов, немаловажен и тот факт, что «влияние русского символизма в той или иной форме долго еще будет сказываться в творчестве Ю. Тувима, а частично и Я. Ивашкевича» [4, с. 192-193]. Несмотря на все новаторство скамандритов, связь их поэзии с предшественниками (поэтами «Молодой Польшей») проявилась в выборе переводов; прежде всего, это относится к первым годам деятельности «Скамандра». Характерно с этой точки зрения вступление к первой в Польше антологии «Новая русская поэзия», вышедшей в 1923 году под редакцией Леонарда Подхорского-Околува и Вацлава Денгофф-Чарноцкого, сохранившей младопольскую стилистику: «Никто не будет сожалеть о тех минутах, которые проведет, склонившись над серебряным и стремительным, а местами удивительно спокойным и печальным потоком их поэзии». Речь здесь идет о поэзии В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, А. Ахматовой и М. Цветаевой. Среди переводчиков - Ю. Тувим, Я. Ивашкевич, Л. Подхорский, А. Слонимский, К. Вежиньский, то есть почти все крупнейшие поэты «Скамандра».

Росту популярности Валерия Брюсова и распространению его поэзии в Польше немало способствовали и польские поэты Лео Бельмонт и Эдвард Слоньский. Они не только переводили Брюсова, но и посвятили ему свои стихи, в которых чествовали русского поэта за братские чувства к польскому народу. Буквально через неделю после публикации стихотворения В. Брюсова «Польша» появились его переводы, принадлежащие Л. Бельмонту и Э. Слоньскому [2, с. 198–201]. В 1915 г. в Варшаве была выпущена открытка с изображением части кремлевской стены и храма Василия Блаженного, на которой были напечатаны два сонета Эдварда Слоньского «Валерию Брюсову». Последние слова второго сонета - «Jeszcze Polska jest!» – были взяты Брюсовым в качестве эпиграфа к его собственному сонетному диптиху, озаглавленному «В ответ Эдуарду Слоньскому», утверждавшем веру поэта в бессмертие польского народа:

Да, Польша есть! кто сомневаться может?

Она – жива, как в лучшие века...

Лео Бельмонт также посвятил Брюсову свои стихи, написанные по-русски, и прочитал их на чествовании Брюсова 18 января 1915 г. в Московском литературно-художественном кружке.

Очевидно, что среди поляков, особенно в литературных кругах, было немало читающих произведения русских символистов в подлиннике, поэтому знакомство с их поэзией не ограничивалось переводами. Так, несомненно влияние В. Брюсова на цикл исторических стихотворений К. Вроциньского, опубликованный в варшавском журнале «Правда» (1914, № 33, с. 7). В цикл входили стихотворения «Александр», «Атилла», «Последние», «Наполеон», в которых даже без основательного анализа обнаруживаются сходные черты (и в содержании, и в поэтической композиции) с брюсовскими историческими стихотворениями. Видимо, при дальнейшем изучении польской поэзии той поры можно найти и другие примеры влияния русских поэтов на польскую поэзию. Влияние поэтики русского символизма, заимствованной у К. Бальмонта, В. Брюсова и Ф. Сологуба, на сборник стихов Л. Подхорского-Околува «Солнечный смех» (1912) отмечает С. Полляк, подчеркивая, что в этом сборнике «поэтика «Молодой Польши» резко сталкивается с поэтикой русского символизма» [4, с. 192]. Такого рода типологические схождения в русской и польской поэзии рубежа XIX – XX вв. еще ждут своего исследователя.

Все приведенные выше факты выразительно свидетельствуют о том, что русская литература, и поэзия символистов в частности, наряду с другими европейскими литературами занимала достойное место в польской культурной жизни рубежа XIX – XX вв.

Список литературы

1. Альберт И. Д. Поэзия В. Я. Брюсова в Польше в начале XX века // Очерки по истории славянских литературных связей. – Львов, 1978.

2. Бэлза С. Брюсов и Польша // История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX- XX вв. и проблемы истории культуры. – М.: Наука, 1966.

3. Мальков М.П. Ярослав Ивашкевич и Александр Блок: Опыт сопоставительно-типологического исследования. – Л: ЛГУ, 1988.

4. Поляк С. Русская поэзия в польских переводах // Вопросы литературы.– 1964. – № 1.

5. Iwaszkiewicz J. Symbolizm // Zycie Warszawy. – 1976. – 12 wrzesnia. – S.3.

6. Leśmian B. Szkice literackie. – Warszawa, 1959.

7. Pollak S. Uwagi o poezji rosyjskiej w Polsce. Od romantyków do «Skamandra» // Twórczość. – 1955. – № 3.

8. Trznadel J. Rosyjskie wiersze Leśmiana // Twórczość. – 1961. – №1.

9. Żakiewicz Z. Literatura rosyjska lat 1895–1914 w kręgu Młodej Polski // Slavia Orientalis. – 1968. – Roczn.17. – № 4.